

НАХИМОВ



Наталья
Петрова



ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Наталья Петрова

Нахимов

«ВЕБКНИГА»

2019

УДК 94(47)(092)"18"
ББК 63.3(2)521

Петрова Н. Г.

Нахимов / Н. Г. Петрова — «ВЕБКНИГА», 2019 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-23-504733-4

Имя адмирала Павла Степановича Нахимова (1802–1855) вписано в историю воинской славы России. Выпускник Морского корпуса участвовал в трехгодичном кругосветном плавании, получил боевое крещение в Наваринском сражении против турецкого флота, строил и вооружал корабли в Архангельске, Кронштадте и Николаеве, защищал Черноморское побережье Кавказа от турок и горцев, руководил инженерными работами в Новороссийской бухте, одержал блестящую победу над турецкой эскадрой при Синопе. Нахимова называли душой обороны Севастополя – «русской Трои» – в Крымскую войну. Его жизнь и гибель являют собой яркий образец исполнения воинского долга. Каким образом уроженец сухопутной Смоленской губернии стал моряком? Как он был связан с русскими колониями в Северной Америке и почему привлечен к следствию по делу декабристов? За что его прозвали морским Суворовым? На эти вопросы отвечает книга историка и писателя Натальи Петровой, на основании опубликованных и архивных документов рассказывающая о жизненном пути флотоводца, ставшего национальным символом стойкости и мужества. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)(092)"18"
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-23-504733-4

© Петрова Н. Г., 2019

© ВЕБКНИГА, 2019

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	9
Семья	9
Корпус	13
На бриге «Феникс»	22
Экзамены	30
Глава вторая	32
Фрегат «Крейсер»	32
Капитан и его команда	33
Строительство и вооружение	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Петрова

Нахимов

© Петрова Н. Г., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие

Четвертого сентября 1943 года Сталин и Молотов встретились в Кремле с тремя оставшимися на свободе архиереями – митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). С этого дня власть больше не препятствовала деятельности Церкви, начала возрождаться религиозная жизнь страны, на архиерейском соборе был избран патриарх – им стал Сергей.

В том же году в армию вернулись погоны и офицерские звания, исчез институт военных комиссаров, был распущен Коминтерн, по радио зазвучали забытые песни: «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”, пощады никто не желает», вместо «Интернационала» запели другой гимн – А. Александрова на слова С. Михалкова и Эль-Регистана. В самый тяжелый период войны стало ясно, что воспитать любовь к Отечеству на одной идее мировой революции не получится, цементировать общество нужно национальными традициями, придется заново прочесть славные страницы истории русской армии и вспомнить основательно подзабытых полководцев прошлого.

В 1943 году были учреждены ордена в честь Александра Невского, Суворова и Кутузова, в 1944-м – ордена флотоводцев Ушакова и Нахимова. Орденом Нахимова награждались офицеры Военно-морского флота за искусно проведенные боевые операции, смелое и решительное личное руководство, хорошо организованные десанты. В биографии адмирала Нахимова наберется немало примеров подобных действий, как, впрочем, и в биографиях других известных русских флотоводцев. Но сам Нахимов, с его заботой о морях, скромностью, жертвованием собой во имя долга давно стал национальным символом стойкости и мужества, «душой обороны», как называли его севастопольцы.

Литература о Нахимове обширна, воспоминания о нем стали печататься сразу после его гибели. Особенно много информации появилось после 1867 года, когда в одном из авторитетных журналов были напечатаны без подписи «Записки севастопольца», автор которых представил скорее карикатуру на Нахимова, чем его портрет. Возмущенные моряки и защитники Севастополя начали присылать в журналы и газеты письма с опровержениями, свои воспоминания об адмирале. Словом, нет худа без добра – так собралась большая мемуарная литература о Нахимове.

Первая биография адмирала появилась в 1902 году, к столетию со дня его рождения. Точную дату установил автор книги, историк русского флота П. И. Белавенец, обнаружив в архивах метрическое свидетельство Нахимова. В годы Великой Отечественной войны издательство «Молодая гвардия» выпустило небольшую книжечку «Нахимов» в тонкой обложке, которая легко умещалась в кармане гимнастерки. В ней Е. Тарле рассказывал о двух последних годах жизни Нахимова – сражении при Синопе и обороне Севастополя. После войны эта книга была напечатана в серии «ЖЗЛ». В той же серии в 1970 году вышла биография Нахимова в авторстве Ю. Давыдова.

Огромную работу по изучению, поиску и публикации документов, связанных с Нахимовым, провел В. Поликарпов, автор книги «Павел Степанович Нахимов», опубликованной в 1960 году Воениздатом. Добросовестный исследователь изложил все известные на тот момент факты биографии Нахимова, установил место рождения, уточнил расположение имения его родителей и храма, где был крещен будущий адмирал, нашел остатки фамильного склепа Нахимовых. К двухсотлетию со дня рождения флотоводца Военно-морской архив напечатал двухтомник документов из разных архивов страны, в котором появились новые материалы о Нахимове.

Автору этой книги удалось найти в архивах ранее никогда не публиковавшиеся документы, привлечь малоизвестные материалы, которые позволили узнать новые обстоятельства

жизни адмирала и полнее представить его взгляды и суждения. И чем больше автор изучал свидетельства очевидцев и документы о жизни своего героя, чем ближе узнавал его, тем понятнее становилось, почему этот внешне суровый и настойчивый в исполнении обязанностей и одновременно нежный и заботливый в дружбе человек еще при жизни завоевал искреннюю любовь и признание.

Глава первая Детство и юность

Семья

Так уж случилось, что самые знаменитые русские флотоводцы родились не на берегах морей, а в самом что ни на есть сухопутном центре России. И Нахимов не исключение. Он появился на свет 23 июня 1802 года в сельце Городок Вяземского уезда Смоленской губернии.

О корнях Нахимова известно немного. Русская родословная книга¹ называет родоначальником династии, из которой вышло немало моряков, малороссийского казака Тимофея Нахимова. Его сын Мануил Тимофеевич дослужился в казачьем войске до чина сотника. После вхождения Малороссии в состав России на древе рода Нахимовых появляются две ветви – одна продолжила жизнь близ Харькова, другая дала ростки на Смоленщине. В конце XVII – начале XVIII века сын сотника Михаил Мануилович Нахимов купил участок земли недалеко от Вязьмы, где и обзавелся семьей и хозяйством. У Михаила Мануиловича родились четверо сыновей: Михаил, Николай, Иван и Степан – отец будущего адмирала.

Родословная книга указывает, что Степан Михайлович родился в 1754 году, прожил долгую жизнь – умер в 1830-е годы, дослужился до звания секунд-майора, женат был на Федосии Ивановне (по другим данным – Васильевне) Козловской.

Крестили Павла Нахимова 27 июня в церкви Спаса Нерукотворного, в трех верстах от имения Нахимовых. Священник отец Георгий Овсянников крестил там всех детей майора Степана Михайловича: старшую Анну, Николая, Платона, за год до рождения Павла – Ивана, а через три года после Павла – его младшего брата Сергея. В той же церкви и венчали, и отпевали; хоронили здесь же, на кладбище при церкви, в фамильном склепе.

При крещении Павла воспитателями были его старшая сестра Анна и дядя, отставной поручик Николай Матвеевич Нахимов, двоюродный брат отца². Известно, что Николая Матвеевича, оставшегося сиротой, Степан Михайлович взял под опеку, перевез из Харьковской в Смоленскую губернию, где тот служил, вышел в отставку (в родословной он указывается как прапорщик), стал помещиком – ему принадлежало село Волочек с деревнями. Позже его выбрали предводителем дворянства Сычевского уезда.

Из харьковской ветви, которая продолжала существование, более других был известен Аким Николаевич Нахимов. Родился он в 1782 году в родовом селе в 60 верстах от Харькова, образование получил в пансионе при Московском университете, но жить в старой столице не остался, а вернулся в Харьков. Там он поступил в только что открывшийся Харьковский университет на факультет словесности, после его окончания преподавал русскую грамматику. Еще студентом он начал писать стихи – в основном басни, эпиграммы и эпитафии. Печатали его редко, стихи больше ходили в списках, зато были на слуху у харьковчан. Умер Аким Нахимов рано, в 1814 году, не дожив до 33 лет. После его смерти друзья издали его стихи отдельной книжкой³. Объектами его сатиры становились взяточники, клязуники, льстецы, глупцы и неучи. Вот некоторые из его коротких сочинений:

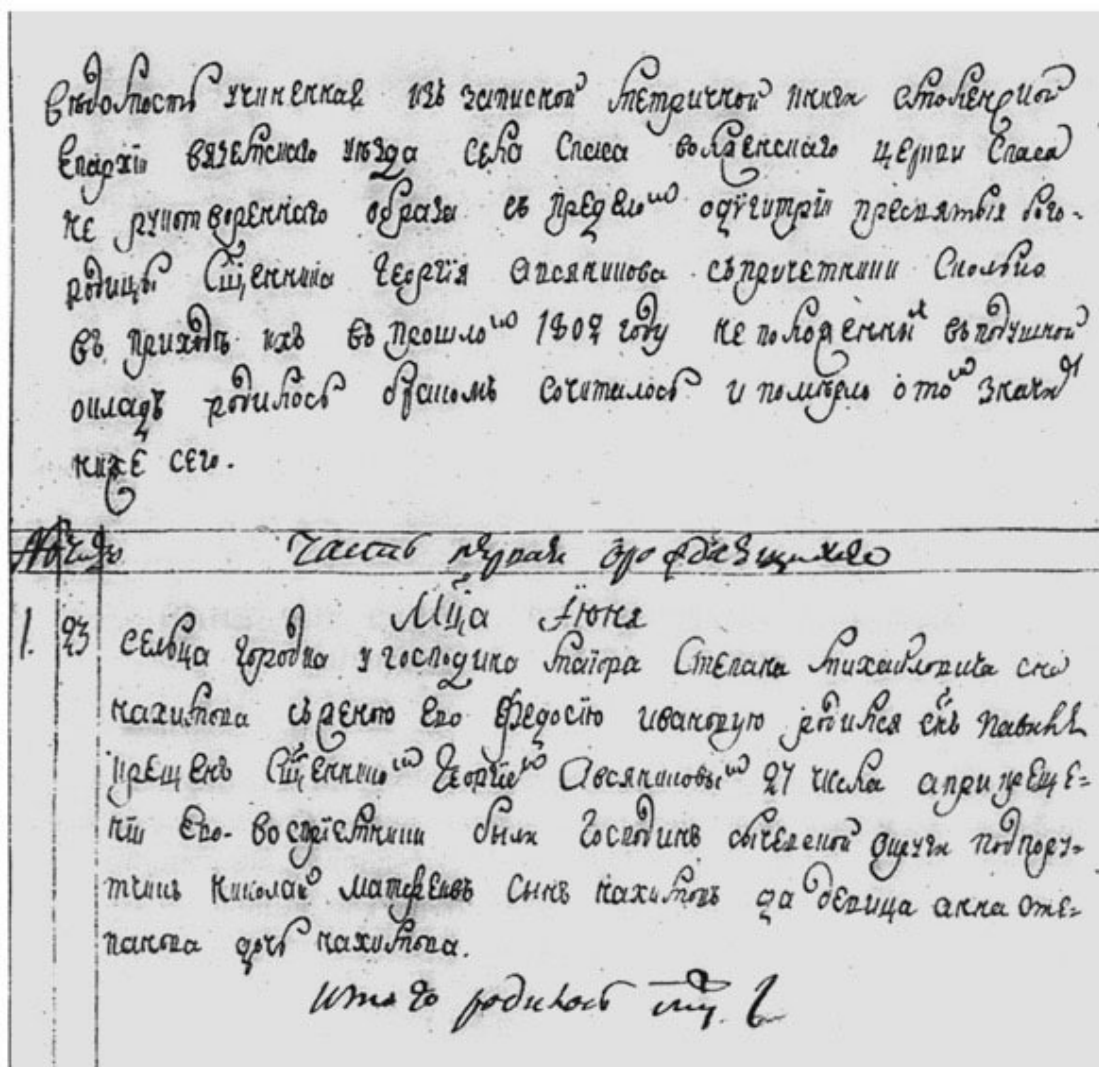
Просветители

Чтоб мрачную страну наукой озарить, —
Ученых множество в Украину валит.

Сияют здесь они, как в темноте зарницы!
Но что блестит у них? мундирные петлицы.

Жук и пчела

Ну, слава Богу, я пол сота сработала! —
Пчела жуку сказала.
Пол сота! только-то! жук с гордостью вскричал, —
Я целую копну навозу натаскал!
«Навозу, а не меду», —
От пчелки был ответ рогатому уроду.
Клит целую стопу стихами исписал.
Но что! не меду он, навозу натаскал.



Запись в метрической книге о рождении и крещении П. С. Нахимова. Государственный архив Смоленской области

Эпитафия высокоученому

Гниет здесь гордая Латынь.
Аминь!

Эпитафией ему самому могли бы стать его собственные строки:

Блеснуть искусством я нимало не искал,
Что сильно чувствовал, то смело написал.

Читал ли Павел вирши своего дяди, неизвестно, но борьбу с мздоимцами и ворами вел на Балтике и в Севастополе нешуточную.

Все братья Павла стали моряками: Николай, Платон, Иван преподавали в Морском корпусе, младший Сергей дослужился до вице-адмирала, был директором Морского корпуса. Платон Степанович, выйдя в отставку, служил инспектором в Московском университете, где терпением и добродушием снискал себе любовь студентов.

«Это была честнейшая, добрейшая и благороднейшая душа, исполненная любви к вверенной его попечению молодежи, – вспоминали о нем бывшие подопечные. – Тихий и ласковый, он был истинным другом студентов, всегда готовый прийти к ним на помощь, позаботиться об их нуждах, защитить их в случае столкновений.хлопот ему в этом отношении было немало, ибо в то время студенты вовсе не подлежали полиции, а ведались исключительно университетским начальством... Поминутно студентов ловили в каких-нибудь шалостях, и всё это надобно было разбирать, приходилось и журить, и наказывать, но всё это совершалось с таким добродушием, что никогда виновные не думали на это сетовать»⁴. Студенты, конечно, знали, что старый моряк Платон Степанович приходится родным братом знаменитому адмиралу, Синопское сражение произошло в день именин их любимого инспектора. По такому поводу были написаны стихи:

В ноябре, раскрывши святцы,
Вспомним мы Синопский бой.
Наш Платон Степаныч, братцы,
Брат Нахимову родной.

Здравствуй, адмирал почтенный,
Богатырь и молодец!
Дядя, брат твой незабвенный
Был студенческий отец...

Большим достатком семья Нахимовых не отличалась. Степан Михайлович владел селом Городок и несколькими деревнями в Вяземском уезде Смоленской губернии – всего 1424 десятинами земли. Из них пахотной – 486 десятин, неудобной – 116, остальное под лесом, селениями и дорогами. Нахимовы считались мелкопоместными дворянами, в 1813 году за их отцом значилось 136 крепостных душ, в 1841-м – 121 душа⁵. К деревянному господскому дому прилежали два флигеля на каменных фундаментах, вокруг него был разбит фруктовый сад. Были и хозяйственные постройки – конный и скотный дворы, амбары, сараи, – крытые соломой.

Павел Степанович очень любил приезжать в родовое имение, мечтал пожить там годик-другой после войны, но не довелось. Он и в короткие отпуска зимой выбирался не каждый год. Ни время, ни люди не пощадили его родной дом, в 1990-е годы от него оставался лишь фундамент, но и тот разровняли бульдозером. Не сохранились ни Спасская церковь, ни фамильный склеп Нахимовых, которые разрушили еще в середине XX века.

Смоленская земля не щедра на урожаи, часто случались недороды, так что барскую запашку Нахимовым приходилось порой засеивать крестьянским хлебом – своего не хватало. В 1841 году доход от имения составлял 1200 рублей серебром в год, и эту небольшую сумму братья делили между собой, а потому имение представили в Опекунский совет для получения ссуды. Позже его еще несколько раз закладывали. В 1842 году братья разделили между собой земли и крепостных. «Павлу же поступило во владение из сельца Городка 1 душа без земли»⁶. Звали этого единственного доставшегося ему крепостного Фаддей Стрельцов, он жил у барина в Севастополе. После гибели адмирала «дворовому человеку Фаддею Стрельцову» в 1857 году была дарована вольная⁷ – по завещанию ли Павла Степановича, по решению ли его братьев-наследников, майора Николая и контр-адмирала Сергея, неизвестно.

Прожить на доход от такого имения было нельзя, потому все сыновья Степана Михайловича Нахимова служили. «Дворянин – тот, кто служит» – так было установлено в России со времен Петра Великого. Предстояло служить и Павлу, но сначала нужно было выучиться. С отправкой в Морской корпус в Петербурге его детство закончилось – начиналась пора юности.

Корпус

Морской шляхетский кадетский корпус был учрежден приказом императрицы Елизаветы Петровны 15 декабря 1752 года и за время своего существования неоднократно менял и названия, и местоположение¹. В годы учебы в нем Павла Нахимова (1815–1818) он именовался Морским кадетским корпусом и располагался на Васильевском острове в Петербурге.

Корпус был преемником Навигацкой школы, созданной по распоряжению Петра I в 1701 году. По мысли создателя школа должна была давать общее и специальное образование, поэтому обучение в ней делилось на три ступени: на первой – *начальной* – полтора-два года обучали чтению и грамматике, Закону Божьему; на второй – *цифрной* – арифметике, геометрии и тригонометрии; на третьей – *высшей* – математической географии, астрономии, черчению, геодезии, навигации и судостроению.

Тот же принцип сохранился и в Морском корпусе. Воспитанников объединяли в три класса по 120 человек, ученики двух младших классов назывались кадетами², третьего – гардемаринами³. Каждый кадетский корпус представлял собой батальон, делившийся на роты, и воспитанники помимо учебы несли также караульную службу и занимались строевой подготовкой.

Кадет обучали Закону Божьему, арифметике и началам алгебры, грамматике русского языка, иностранному языку, географии, всеобщей и русской истории по сокращенной программе, фехтованию и танцам. Популярны были постановки любительских спектаклей.

Кадеты учились от года до трех лет, в зависимости от успехов, а гардемарины проходили обязательный курс наук, рассчитанный на три года и включавший алгебру, геометрию, тригонометрию, «высшие вычисления», астрономию, «опытную физику», географию, историю, русскую грамматику, французский и английский языки. Затем переходили к специальным дисциплинам: геодезии, навигации, механике, теории морского искусства, корабельной архитектуре, артиллерии и фортификации.

«Ленивый кадет мог оставаться кадетом лет шесть, но и все-таки делался гардемарин... попавши в гардемарины, от каждого из нас зависело быть адмиралом»⁸, – говорили выпускники корпуса.

Первый офицерский чин мичмана на выходе из корпуса получали почти все, дальше каждый сам прокладывал себе фарватер, и далеко не все бросали якорь в гавани под названием «Адмиральская», а кто-то и вовсе уходил с флота. Для тех, кто мечтал о море, примером служили прославленные флотоводцы и мореплаватели, окончившие корпус: Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, Ф. Ф. Беллинсгаузен, М. П. Лазарев, В. М. Головнин, Г. А. Сарычев.

У Сарычева, знаменитого исследователя Тихого океана и картографа, Нахимов учился в корпусе, записки Лисянского о кругосветном плавании читал, когда сам отправился в кругосветку, в составе эскадры под командованием Сенявина ушел в первый боевой поход, на корабле Лазарева принял боевое крещение. Так что школа для боевого офицера – это не стены, точнее, не только они, но полученные под началом опытных наставников навыки морской службы.

¹ В 1802 году из названия исчезло слово «шляхетский», в 1867–1891 и в 1916–1918 годах корпус назывался Морским училищем, в 1891–1906 годах – вновь Морским кадетским корпусом, в 1906–1916 годах именовался Его императорского высочества наследника цесаревича Морским корпусом. В 1918 году на его основе создали курсы подготовки командного состава флота, а в 1922-м их преобразовали в Высшее военно-морское училище, которому позже было присвоено имя М. В. Фрунзе. С 2001 года учебное заведение называется Морской корпус Петра Великого – Санкт-Петербургский военно-морской институт.

² Cadet – младший (*фр.*).

³ Garde-marine – морская гвардия (*фр.*).

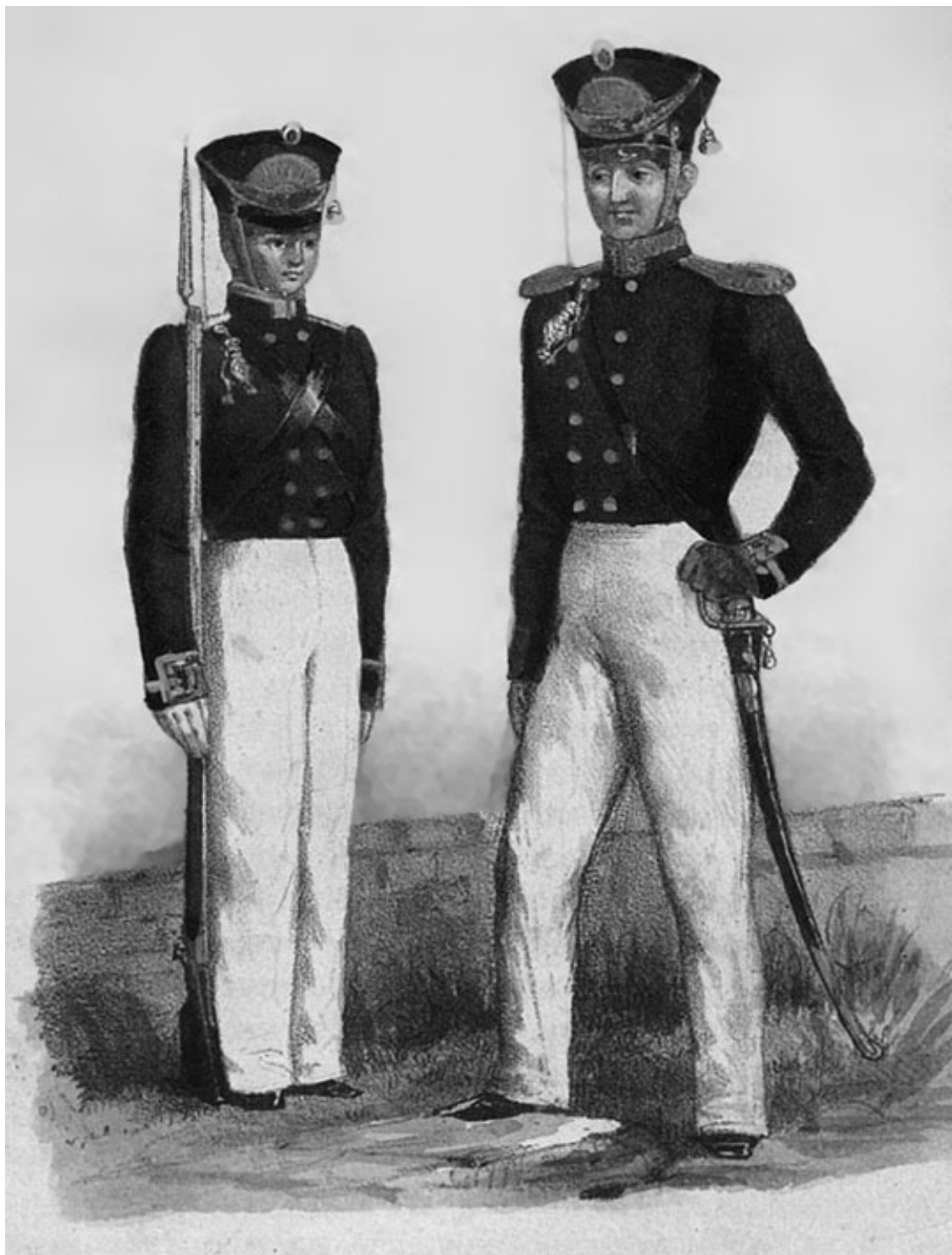
Самым известным и любимым учителем в корпусе был П. Я. Гамалея. Ученики к нему в класс не шли, а бежали. «С какой любовью и почтительным участием мы смотрели на этого худенького, сгорбленного старика, отвечали смело и слушали со вниманием»⁹, – с теплотой и нежностью вспоминали выпускники. А кто не помнил его упрек ленивцам: «Ах, братец, ты не знаешь, что ты собственный свой палач»? – или его призыв, который кадеты пересказывали друг другу: «Любите науку, братцы, для самой науки, а не для того, чтобы надеть эполеты: невежда офицер похож на того животного – знаете, братцы, о котором говорят в басне... под золотым чепраком с длинными ушами. Ведь самый богатый чепрак длинных ушей не закроет».

Он был не только прекрасным педагогом, составил почти все пособия математического цикла, по которым училось не одно поколение гардемарин: «1) алгебра с приложением ее к геометрии, 2) дифференциальные и интегральные исчисления, с приложениями их к геометрии и навигации, 3) механика, 4) теория кораблестроения, 5) морская практика»¹⁰.

Ко времени поступления в корпус Павла Нахимова Гамалея уже не преподавал, но дело продолжал его друг и деятельный помощник М. Ф. Горковенко. Нахимов учился у Горковенко математике, физике и химии. Гардемарины вспоминали, как Горковенко создал в корпусе физический кабинет и приложил немало сил к его оборудованию, как по-детски радовался появлению в нем новых инструментов и приборов.

Гуманитарные предметы, по мнению кадет, им преподавали хуже, чем математические. Учитель французского языка итальянец Триполи особенно не старался: считалось, что дворянские дети французский и так знают. Учитель английского Руммель и вовсе не ходил на занятия; кто хотел знать язык, должен был платить за дополнительные уроки. Средства на частные уроки были не у всех, английский же был необходим для моряков: кроме общения в заграничных плаваниях, требовалось умение читать карты и лоции, а самые ходовые из них издавались в Англии. Нахимов учил английский самостоятельно, уже после окончания корпуса.

Учитель русского языка Груздев требовал писать сочинения в несколько листов, в стихах или прозе. Конечно, это вызывало неудовольствие – ну а какие ученики радуются большим домашним заданиям? Однако когда читаешь журналы, которые гардемарины обязаны были вести в учебных плаваниях, видишь: написаны они грамотно, впечатления и наблюдения изложены хорошим литературным языком, что, несомненно, делает честь учителям корпуса. Уровень общего образования в Морском корпусе был традиционно высок, и если не все его выпускники стали адмиралами, то только потому, что прославили свои имена на другой стезе, как писатель и этнограф В. И. Даль, писатель К. М. Станюкович, композитор Н. А. Римский-Корсаков, художник В. В. Верещагин.



Кадет и обер офицер Морского кадетского корпуса в 1812 году. *Литография В. А. Прохорова. 1852 г.*

Морской корпус был не единственным учебным заведением для дворянских сыновей. Почему же родители выбрали для Павла именно его? Дело в том, что по традиции в Первый и Второй шляхетские корпуса старались определять своих детей люди состоятельные, аристократических фамилий, их выпускникам легче шагалось по карьерной лестнице, двери к высоким должностям для них открывались быстрее. А мелкопоместные дворяне, вроде смоленского помещика Степана Нахимова, предпочитали записывать детей в Морской корпус, который тре-

бывал в будущем меньших расходов. Старшие братья уже окончили его, и в 1813 году, когда подошел возраст младших – Ивана и Павла, – они тоже подали прошение на высочайшее имя:

«Всепреспетлейший, державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший, просят недоросли из российских дворян греческого исповедания Иван и Павел Степановы сыновья Нахимовы о нижеследующем: Отец наш родной, Степан Михайлов сын Нахимов, в службе в[ашего] и[мператорского] в[еличества] находился в гвардии капитаном и отставлен майором. Ныне нам от роду, первому – 12, а последнему – 11 лет, обучены по-русски и по-французски читать и писать и часть арифметики, но в службу в. и. в. никуда еще не определены, а желание имеем вступить в Морской кадетский корпус в кадеты»¹¹. К прошению прилагалось свидетельство, что они действительно «помянутому майору Степану Нахимову сыновья родные», помещены в Бельском уезде Смоленской губернии и крестьян за их отцом значатся 136 душ.

Однако на прошение «недорослей Нахимовых» директор корпуса вице-адмирал П. К. Карцов ответил отказом – «по неимению вакансии». Желающих учиться в корпусе было больше, чем мест, и частенько, подав прошение, ждали год-полтора.

В августе того же года последовал приказ министра военных морских сил адмирала И. И. Траверсе о включении пятнадцати желающих вступить в корпус, в том числе Нахимовых 1-го и 2-го, в число кандидатов «по открытии вакансии»¹². А пока, чтобы привыкали к морю и почувствовали вкус морской службы, Нахимовых определили в волонтеры и отправили вместе с гардемаринами в учебное плавание¹³.

Нахимов впервые оказался под парусами летом 1815 года, на бриге⁴ «Симеон и Анна». Всего за годы учебы он будет трижды ходить в учебное плавание (таких называли «трехкампанейцами»): в первый раз под командой лейтенанта П. И. Харламова, в следующем году на том же бриге, но уже под командой лейтенанта П. Н. Овсова (маршрут оба раза проходил по Финскому заливу, в походе осматривали Кронштадт, Петергоф, Ораниенбаум). В третий морской поход, в 1817-м, он отправился уже за границу: из всего корпуса отобрали лучших гардемарин для плавания на бриге «Феникс» под командой лейтенанта П. А. Дохтурова из Кронштадта до Стокгольма, Копенгагена и обратно¹⁴.

Финский залив мелководный, и расстояние между портами небольшое, но для первых опытов достаточное. Ведь как бы ни старались учителя в корпусе и как бы усердно ни занимались гардемарин, получить опыт управления кораблем можно только на практике.

В первом плавании новичкам поручалась матросская работа: «делать такелаж⁵, привязывать, крепить и постановлять паруса, брать рифы (уменьшать площадь парусов при сильном ветре. – *Н. П.*), сниматься с якоря и становиться на оный». В первый же день их расписали на различные корабельные работы. И вот дети из дворянских семей, отпрыски и знатных, и мелкопоместных фамилий, взбирались на мачты, драили палубу, откачивали воду, помогали матросам разносить паруса, обтягивать ванты и шкоты⁶, выбирать якоря. Это был единственный способ сделать из сухопутного человека моряка, а из матроса – офицера. Так считали учителя Нахимова, так будет считать и сам он, пройдя всю школу обучения полностью, не перепрыгивая через ступени.

⁴ Бриг – двухмачтовое судно с прямыми парусами на фок- и грот-мачтах и дополнительным косым парусом на грот-мачте. Бриг «Симеон и Анна» был построен в 1798 году как царская яхта, затем был передан Морскому корпусу для учебных плаваний. Имел на борту восемь малокалиберных орудий.

⁵ Такелаж – общее название снастей на корабле (тросов, канатов, цепей), используемых для крепления рангоута (мачт, стеньг, рей и др.), постановки и уборки парусов, грузовых операций. Подразделяется на стоячий, поддерживающий рангоут, и бегучий (фалы, шкоты, гордени, гитовы и др.) для подъема и спуска грузов, парусов, сигналов, трапов, шлюпок.

⁶ Ванты – стоячий такелаж, поддерживающий рангоут с боков. Шкоты – бегучий такелаж для натягивания и удержания парусов в нужном положении.

Уже в чине контр-адмирала он вносил правку в проект нового Морского устава и в разделе «Обязанности старшего офицера» предложил записать: «Весьма полезно приучать гардемарин исподволь к обязанностям офицера, но еще более необходимо ознакомить их с матросским делом и для того поставить обязанности командира и старшему офицеру обучать гардемарин и юнкеров брать рифы, крепить и менять паруса; спускать и подымать брам-реи и брам-стенги; бросанию лота и править рулем. Сведения эти трудно приобрести в офицерском звании, и еще труднее, чтоб не имеющий их впоследствии не чувствовал этого недостатка»¹⁵.

Впрочем, матросской работой обязанности гардемарин и кадет не ограничивались: они допускались стоять на вахте рядом с офицером, который объяснял каждый парусный маневр. И конечно, к гардемаринам был приставлен корпусной офицер – он должен был смотреть, «чтоб лазали наверх без торопливости, дабы никто не упал; почему напоминать им, чтоб всегда крепко держались руками за веревки и за реи, когда отдаются или убираются паруса». Обучать стрельбе следовало «со всевозможною осторожностью и без торопливости, чтоб кого не опалило и не убило»¹⁶.

Нахимов, сам прошедший суровую школу воспитания, считал ее совершенно оправданной и, став адмиралом, утверждал на флоте те же порядки. Нарушение порядков приводило к тому, что из корпуса стали выходить не офицеры, а *сахары*, как выражался адмирал М. П. Лазарев: «Гораздо приятнее видеть a set of smart and active officers full of spirit and life⁷, нежели сидней философов, которые только что курят трубки с утра до вечера и рассуждают о пустяках, а ни на какое по службе дело не способны. Я говорю это потому, что много таковых из корпуса выходит к общему нашему сожалению, но так как государь сам сего не терпит, то, вероятно, следующие за сим выпуском будут поживее»¹⁷.

В головах многих образованных офицеров, вышедших из корпуса, рождались прекрасные мысли и грандиозные планы, но лишь некоторые смогли воплотить их в жизнь, у кого-то весь запал уходил в слова и рассуждения о будущем. Действовать всегда труднее, чем рассуждать, особенно действовать в соответствии со своими убеждениями. Воспитанное Лазаревым поколение офицеров – Нахимов, Путятин, Корнилов, Истомин, Бутаков – мерило свою службу и всю жизнь именно такой мерой: делом, а не словом.

Таким образом, Павел сначала ушел в море, а уже потом сел за парту. Может, оно и к лучшему: тем, кто так и не смог обрести «морские ноги», офицеры советовали уйти из корпуса или перевестись в гимназию. Павел же, едва увидев море, полюбил его навсегда и о перемене службы никогда не помышлял. Наверное, эта любовь и желание стать офицером помогли ему перенести тяготы первого, самого трудного, года учебы.

Гардемарин Павел Нахимов не оставил воспоминаний о Морском корпусе, он вообще был не большой любитель писать, к немалому огорчению его биографов. А вот его друзья и однокашники много и подробно писали о жизни гардемарин. Несмотря на различия в деталях, в общих моментах эти воспоминания совпадают и вполне позволяют представить картину жизни юного Нахимова.

В документах сохранилась только дата зачисления Павла в корпус – 24 июля 1815 года; когда же он был переведен из кадет в гардемарин, неизвестно. Однако уже в год зачисления он именуется гардемарин, а значит, в кадетах пробыл недолго – видимо, старшие братья постарались подготовить его и Ивана к экзаменам. Но, несмотря на это, привыкать подростку к суровому военному распорядку было нелегко.

Вместо вольготной домашней жизни – подъем до света, казенная одежда, калош и теплый обуви не положено, ежедневные занятия, караулы. Вместо домашней стряпни – ненавистная

⁷ ...подвижных и активных офицеров, полных духа и жизни (англ.).

гречневая каша-размазня. Правда, порции большие, щи и каша всегда с куском мяса, на обед – жаркое, в праздники – пирожные или оладьи с медом. Да и квас отменный, пей сколько хочешь. А какие белые булки утром и вечером – горячие, в целый фунт весом; во всём городе таких не сыщешь. В общем, жить можно.

Одно плохо: принятое в корпусе обязательное прислуживание младших старшим, то, что в английских школах и университетах называлось «fagging», а у нас – «дедовщина». Правда, насилия к кадетам никто не применял, но новичкам доставалось изрядно. Главное было не расплакаться: разнюнился – пиши пропало, навек «бабой» звать будут, и уже никто не поможет.

Одного новичка любили посылать в соседнюю роту принести книгу «Дерни о пол», другого – «Гони зайца вперед». Понятно, что первый летел на пол, а второй бегал от одного «старика» к другому, пока не выбьется из сил. Кто-то, правда, считал такие порядки полезными и утверждал, что так воспитывался характер. Д. Б. Броневский вспоминал: «...все мы жили в непрерывной междоусобной войне до производства в гардемарины. Достигнув до этого вождьленного чина, у кадета прежние дикие замашки смягчались; показывались понятия о чести – и прежде бывший дикарь стал походить на человека. Впрочем, у этих молодых людей кроме уваженья к силе физической были и свои хорошие свойства. Они не терпели слабодушия, лукавства, похищения чужой собственности и провинившихся в подобных проступках наказывали жестоко. В этой спартанской школе было и свое хорошее: здесь закаливали характер в твердую сталь; здесь получалось омерзение ко всему низкому, и я уверен, что на многих моих товарищей это воспитание благотельно подействовало; утвердительно могу сказать о себе, что оно мне принесло большую пользу»¹⁸.

Конечно, младшие Нахимовы могли бы обратиться за помощью к старшим братьям, которые служили в корпусе офицерами, но такого заступничества им бы не простили. Да и сами Николай и Платон, не так давно окончившие корпус и прекрасно знавшие его традиции, вряд ли стали бы вмешиваться – скорее оказывали моральную поддержку.

Случались и бунты, когда младший выпуск не желал признавать власти старшего, однако они были крайне редки и сурово наказывались. Чаше доставалось корпусному эконому, если его воровство переходило границы. Тогда, по воспоминаниям однокашника Нахимова Дмитрия Завалишина, все находящиеся в столовой ученики мычали, стучали ногами и ножами, выражая протест, и забрасывали эконома бомбами, «состоящими из жидкой каши, завернутой в тонкое тесто из мякиша, так, чтобы ударяясь обо что-нибудь, тесто разрывалось и опачкивало человека кашею»¹⁹, – словом, выражали свое мнение, как могли, всеми доступными способами.

Особенно угнетала новичка необходимость всё делать по команде: в шесть часов утра следовать строем на молитву и завтрак, в семь (зимой в восемь) – в классы. В полдень – также строем на обед, с двух до четырех пополудни – снова в классы. В восемь вечера опять строем шли на ужин, в девять – на вечернюю молитву, в десять отправлялись спать. Свободного времени только и оставалось, что от послеобеденных классов до ужина, но и здесь лениться было некогда – надо заниматься самоподготовкой, выполнять задания на следующий день.

(Заметим, что суровые порядки не обошли стороной и женские учебные заведения. В Смольном институте благородных девиц воспитанниц тоже поднимали ни свет ни заря, заставляли обливаться ледяной водой до пояса, одевали в очень легкую форменную одежду, строго наказывали за неповиновение классным дамам, кормили весьма умеренно; даже в мороз они спали под тонкими фланелевыми одеялами. Потому мальчишки называли смолянок «кадетами в юбках».)

Несмотря на суровые порядки, проступки в корпусе случались. Гауптвахты и карцера в нем не было, но розгами секли по субботам исправно. Современному читателю может показаться странным, что дворянских отпрысков подвергали порке, однако в XVIII и XIX веках на телесные наказания детей смотрели иначе, чем во времена Конвенции по правам ребенка

и ювенальной юстиции. «Лелей дитя – и оно устрасит тебя», – предрекали ветхозаветные старцы, и родители резонно полагали, что воспитывать не наказывая невозможно. Поэтому и в гимназиях, и в училищах, и в кадетских корпусах мальчиков обязательно секли – «для их же блага».

Бывшие гардемарины по-разному оценивали корпусные порядки. Например, Владимир Даль, однокашник Нахимова, в автобиографических заметках обрисовал весьма мрачную картину: «...в памяти остались только розги». Однако к заметкам Даля, которые он диктовал уже тяжелобольным, нужно относиться критично. Еще в период их публикации другой однокашник Нахимова, уже упомянутый Дмитрий Завалишин, указал на многие ошибки и несообразности в этих заметках; видимо, в конце жизни память Даля изменила ему⁸. Сам же Завалишин не только учился в корпусе, но впоследствии и преподавал там математику, механику и астрономию, так что мог судить о нем и как ученик, и как преподаватель. Выслушаем его мнение: «Недостатки, о которых говорит Даль, не были исключительно принадлежностью Морского корпуса, а были общи всем тогдашним... учебным заведениям... если и были действительно темные стороны, то были и светлые и даже такие, к осуществлению коих и ныне еще тщетно стремятся многие заведения»²⁰. Что же касается порки, то Завалишин считает: «... для крупных проступков помимо телесного наказания не было другого исхода, кроме исключения из корпуса, что, однако же, было равнозначительно совершенной потере карьеры. Потому не один отец и не одна мать сами упрасивали, чтобы наказали их детей, как хотят, только бы не “губили” выключкой из корпуса, ибо в таком случае дети, воспитывавшиеся даром и обеспеченные в будущем, “легли бы снова им на шею”, что для бедного (почти без исключения) дворянства было бы большой тягостью, часто и вовсе не по силам»²¹.

Вот такими порядками – придирами старших гардемарин, поркой по субботам, хождением строем, жизнью по команде – встретил Павла Нахимова Морской корпус. Картина не из радостных. Если бы не брат Иван, пришлось бы тяжело. Вдвоем всё же веселее, если что – можно и отпор дать вместе. Вскоре у братьев появились друзья: Платон Станицкий, Александр Рыкачев, Иван Бутенев, Дмитрий Завалишин и самый близкий – Михаил Рейнеке.

С Рейнеке Нахимова будут связывать долгие годы дружбы, самой искренней и преданной, которая прервется только со смертью Павла Степановича. Михаил Рейнеке родился в ноябре 1801 года и был седьмым ребенком в очень небогатой дворянской семье обрусевшего немца Франца Рейнеке. Отец служил в Ростовском пехотном полку, участвовал в войнах с турками, где получил тяжелое ранение и вынужденно вышел в отставку, а подлечившись, уехал в Сибирь и поступил на службу в Иркутское губернское правление. В Иркутске он женился на сибирячке Марфе Васильевне Липовцевой, с которой уехал по месту нового назначения – на Камчатку. Пять лет Рейнеке служил на самой дальней окраине России, занимался делами гражданского управления, учил камчадалов сажать картошку и разводить огороды. В 1786 году семейство возвратилось в Иркутск, прожило там 12 лет, а затем переехало в Лифляндию, где и родился Михаил Францевич²².

Когда мальчику исполнилось 11 лет, родители отдали его в пансион в Петербурге, а в 1814 году – в Морской кадетский корпус, в котором учились его старшие братья Адриан, Александр и Павел. Михаил учился хорошо, отличался любознательностью и особенно любил читать. Страсть к книгам и сблизила Рейнеке и Нахимова. Потом оказалось, что у них много общего: и братья их учились здесь же, и семьи не отличались богатством и знатностью, и рассчитывать в будущем они могли только на себя.

⁸ Даль перепутал жену и дочь, места службы отца, указал, что в бытность гардемаринком плавал только по Финскому заливу, забыл о морском походе в Швецию и Данию, хотя в прежние годы с удовольствием вспоминал о нем, рассказывая смешные эпизоды, к тому же сохранился его дневник с подробным описанием этого плавания.

Михаил Францевич прославил свое имя на научной ниве, Павел Степанович – на военном поприще, по взглядам и убеждениям они были единомышленники. Рейнеке говорил о себе, что он «по обруселому отцу и матери-сибирячке в душе чисто русский», пренебрежение чиновников к национальным интересам России воспринимал как личное оскорбление, не жалел сил и здоровья на службе, чурался светских удовольствий и визитов, предпочитая тишину кабинета и удовольствие научных занятий.

Они писали друг другу при каждом удобном случае. Благодаря Рейнеке сохранились многие письма Нахимова. После Синопского сражения Михаил начал бережно собирать и записывать всё, что касалось его друга. Рейнеке всю жизнь вел дневники, его записи, сделанные в Севастополе в 1853–1855 годах, дают бесценный материал о Нахимове и Севастопольской обороне.

Теплые отношения согревали этих офицеров, проводивших всю жизнь на службе, людей одиноких, не имевших семьи и редко видевшихся. Оттого и ценили они превыше всего эти редкие и такие сердечные встречи.

В корпусе друзья по вечерам собирались кружком, читали вслух. Библиотека в корпусе была небогатая, книги передавали друг другу или пересказывали понравившиеся. Привычка много читать и обсуждать прочитанное с друзьями сохранится у Нахимова на всю жизнь. Когда же он войдет в совет директоров Морской библиотеки в Севастополе, то будет самым активным собирателем ее фондов: при нем библиотека приобретет 16 тысяч книг, многие он купит на собственные сбережения.

Выпускники вспоминали суровость порядков и жесткую дисциплину; однако, несмотря на строгости, больных и увечных не наблюдалось. «Лазарет, – пишет Д. Завалишин, – был, однако же, в очень хорошем положении, и во всё время мы помним только один случай смерти, и то от ушиба»²³.

Но вот что дружно отмечали все выпускники, так это чистоту отношений в корпусе, где культивировался дух товарищества, взаимовыручки, бескорыстного служения – качеств, необходимых будущим защитникам Отечества. Поэтому педагоги делали всё, чтобы разница в материальном положении воспитанников не ощущалась: запрещалось шить форму из своего материала, носить часы, приносить из дома лакомства; даже чай можно было пить только в людской, потому что остальные пили воду и квас. «Кадетская спайка всегда основывалась на чувстве абсолютного равенства между кадетами, сын армейского капитана – и сын начальника дивизии, кадет, носящий громкую историческую фамилию, – и носящий самую ординарную, богатый и бедный, русский, грузин, черкес, армянин и болгарин – все в стенах корпуса чувствовали себя абсолютно равными»²⁴, – вспоминали выпускники. Ябедничество, наущничество и доносительство сурово преследовались и карались не только воспитанниками, но и офицерами корпуса.

Конечно, «сахарьями» кадеты всё же не были: если по субботам в дежурной комнате их пороли – значит, было за что. В основном за курение, самовольное нарушение формы одежды и тайное приобретение съестных припасов, в том числе сладостей. Вызвано это было, конечно, не голодом, а своеобразным лихачеством, проявлением «молодечества», как и приобщение к курению.

«Случаи пьянства были очень редки, – вспоминал Завалишин, – во всё время... моего пребывания в корпусе был только один случай воровства из кондитерской конфет, и то, впрочем, не доказанный следствием. Похищение огурцов в огородах составляло более проказы, нежели воровство, потому что главная цель была всегда посмеяться над огородниками и одурачить их»²⁵. Кадеты переодевались в разные мундиры во время набегов на огороды – поди узнай потом, кто из них на самом деле крал огурцы. Исключение из корпуса на памяти Завалишина было только один раз – за оскорбление офицера.

Три года пролетели быстро. Кажется, только вчера недоросли Нахимовы были зачислены кадетами, в первый раз отправились в учебное плавание, а уже пора было готовиться в новый вояж – на сей раз по Балтийскому морю за границу, в Швецию и Данию.

На бриге «Феникс»

В 1817 году было решено отправить лучших гардемаринов корпуса в плавание по Балтийскому морю, чтобы дать возможность «обозреть им балтийские наши порты и приобрести сколь можно более практических познаний», а кроме того, стараться «доставить гардемаринам случай» увидеть за границей «предметы, заслуживающие внимания». Кто же были эти 12 человек, лучшие из лучших? Федор Колычев, Павел Новосильский, Дмитрий Завалишин, Владимир Даль, Платон Станицкий, Иван Адамович, Степан Лихонин, Николай Фофанов, Павел Нахимов, Александр Рыкачев, Захар Дудинский, Иван Бутенев. Их отобрали из всего корпуса! Поэтому можно не задаваться вопросом, как учился гардемарин Павел Нахимов, – включение его в этот список говорит само за себя.

К сожалению, гардемаринский журнал Нахимова не сохранился или пока не найден в архивах, но уцелели аналогичные дневники Лихонина, Новосильского, Даля и воспоминания Завалишина, опубликованные им в «Русском вестнике» в 1874 году²⁶.

Маршрут намечал сам морской министр маркиз де И. И. Траверсе: Швеция – Стокгольм и Карлскрон, Дания – Копенгаген, наши порты – Ревель (Таллин), Гельсингфорс (Хельсинки) и Свеаборг, Роченсальм (Котка) и Рига²⁷.

Для плавания предназначался бриг «Феникс» под командованием Павла Афанасьевича Дохтурова. Сопровождали гардемаринов старший офицер Мардарий Васильевич Милюков и лейтенант князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов. Дохтуров и Милюков были опытными моряками, оба проходили стажировку на британском флоте, в совершенстве владели английским языком. Милюков считался первым знатоком морского дела, по натуре был человеком горячим, отважным, по воспоминаниям гардемарин, «направлявшим нас на отвагу всякого рода – и военную, и в маневрах, и в гимнастике». Правда, порой это «направление на отвагу» воспринималось подростками как поощрение всякого рода проказ, выполнение которых было сопряжено с риском для жизни. На деле же подобные забавы воспитанников нравиться ему никак не могли – он отвечал за их жизнь и здоровье, как предписывала специальная инструкция:

«1. За практическим учением и поведением гардемарин иметь попечительное смотрение, при входе в порты объяснять им, какие должно иметь румбы...

2. Будучи в иностранных портах... стараться показать гардемаринам всё, заслуживающее внимания, и одних их отнюдь на берег не спускать, а когда будете с ними съезжать, чтобы были чисто и опрятно одеты...»²⁸

Князь Ширинский-Шихматов был личностью примечательной, кадеты называли его «образцом высокой нравственности». Он сам окончил Морской корпус, состоял действительным членом Академии наук, оставил большое литературное наследие – стихи, прозу, статьи духовного и патриотического содержания. Князь был человек очень набожный и считал своим долгом воспитывать в гардемаринах религиозное чувство. Потому в каждом портовом городе, где бриг вставал на якорь, обязательно посещали церковь, а в воскресные и праздничные дни непременно бывали на литургии. Выйдя в отставку, князь принял постриг в Юрьевом монастыре под Новгородом, был рукоположен в иеромонахи, совершил паломничества в Палестину и на Афон, а окончил свои дни настоятелем храма при Русской миссии в Афинах.

Долгое пребывание вне родины и просто без твердой земли, в ограниченном пространстве корабля поневоле делало моряков, по определению выпускника корпуса Михаила Бестужева, людьми замкнутыми, не расположенными к новым знакомствам. Суровые условия службы тоже не смягчали характер офицеров. Как знать, может быть, уроки любви и добродетели, которые внимательный и заботливый воспитатель Ширинский-Шихматов преподавал

юным морякам, смогли наперекор всему дать ростки в душах будущих адмиралов русского флота.

На бриге «Феникс» корпусной воспитатель должен был следить не только за поведением, но и за здоровьем и внешним видом своих подопечных. Он получил порционные деньги на два с половиной месяца из расчета 32 рубля 93 копейки в месяц на каждого и еще 25 червонцев (золотых трехрублевиков) от казначейства на непредвиденные расходы. Самих гардемарин снабдили необходимым: «двумя куртками и галстуками, брюками: суконными – одними, летними – тремя, кивером, тесаком, фуражкой, шинелью, тюфяком с подушкой и одеялом, бельем: по шести рубашках, по три подштанников, по четыре простыни, на подушку наволоками по три, чулками по четыре пары и сапогами по три пары».

Всё имущество погрузили на один катер, сами гардемаринны разместились на втором и в понедельник 20 мая вышли из устья Невы. Сначала шли на веслах, затем поставили паруса. Началась качка. Сильной ее назвать было нельзя, но, может быть, как раз в этом однообразном и ровном покачивании и заключается главная неприятность для страдающих морской болезнью. Многих затошнило. «Ну что же, это пройдет, – утешали товарищи. – Говорят, адмирал Нельсон всю жизнь страдал от морской болезни, однако она не помешала ему побеждать в сражениях». То ли рассказ о Нельсоне помог, то ли качка убаюкала, но кто-то сумел уснуть, а проснулся уже в Кронштадте.

Казалось бы, всё было как в обычном плавании: учебный парусник, знакомый маршрут: Петербург, Стрельна, Лисий Нос, Ораниенбаум, Петергоф. Но когда вошли в гавань Кронштадта и увидели бриг, стало ясно – этот поход запомнится надолго. Бриг «Феникс» – настоящий военный корабль, не чета бывшей царской яхте «Симеон и Анна»; в Отечественную войну он крейсировал в Финском и Рижском заливах, участвовал в бомбардировке Данцига, имел на вооружении 24 пушки. Да и ходок он отличный, на таком не стыдно в иностранные порты заходить.

Пока переносили вещи, рассмотрели бриг со всех сторон – не так уже много военных кораблей им приходилось видеть. Потом спустились в каюту с двенадцатью койками. Разложили тюфяки и подушки, прочую поклажу, поужинали и улеглись спать. Какие сны снились гардемаринам, они в журналах не записали, но волнение было общим: завтра предстояло показывать на практике, чему научились за три года. И еще каждому так хотелось, чтобы заметили именно его, выделили среди других!

Утром гардемаринны расписали на три вахты, и Милюков начал обучать команду. И вдруг один из матросов на глазах у всех сорвался и упал на палубу. К счастью, обошлось без серьезных повреждений – падение было с нижнего рея. Зато будущие офицеры поняли, что им придется не только управлять парусами и прокладывать маршруты, но и обучать команду: почти всех матросов набирали из рекрутов, и проходило немало времени, пока они обретали нужную сноровку.

На следующий день отстояли литургию в кронштадтской церкви и вернулись на бриг. Вот тогда-то и начались первые испытания. Сначала на бриг пожаловал сам командир Кронштадтского порта вице-адмирал Ф. В. Моллер, познакомился с каждым и пожелал счастливого пути. Потом показался катер его помощника контр-адмирала М. П. Коробки. А спустя час прибыл катер с посланцем от морского министра И. И. де Траверсе, приказавшим доставить на министерскую яхту гардемарина Владимира Даля. Что же, вот прекрасный случай отличиться!

Однако, по собственному признанию Даля, отправился он туда «с подавленным сердцем». Почему министр остановил свой выбор на нем, неизвестно. Но держать экзамен, по результатам которого будут судить о подготовке всех гардемаринны, пришлось именно ему. Остальные, и в их числе Нахимов, сгрудились на борту брига.

Маркиз тем временем приказал принести рупор и начал экзаменовать:

«— Под каким парусом идем?

Я ему сие сказал и думаю, что уже совершенно отделался от экзамена, как он вдруг подает рупор и говорит:

– Повороти на левый галс.

Я сначала оробел, ибо повороты еще худо знал, а особливо на двухмачтовой яхте... и спросил его:

– Фока-шкот прикажете отдать?

– Прежде по местам, – отвечал он мне».

Начал не очень хорошо, продолжил и того хуже: не успел вовремя отдать команду, яхта снова покатила под ветер, и никакого поворота не получилось. Так опозориться! Вот тебе и лучшие из лучших. Пока Даль боролся с яхтой, остальные гардемарины переживали за товарища и представляли себя на его месте. Поворот оверштаг, когда судно пересекает линию ветра носом, нелегко и для опытного моряка, что уж говорить о гардемарине. Но на ошибках учатся.

«Во второй раз он меня опять заставил поворотить, тут я уже поворотил благополучно». И в третий раз гардемарин поворачивал яхту – теперь через фордевинд, когда яхта пересекала линию ветра кормой. Здесь министр уже сам помогал и... в заключение оставил ученика обедать на яхте, а потом отправил на катере обратно²⁹.

На «Фениксе» облегченно вздохнули, как будто не один, а все 12 гардемаринов испытание прошли. Наверное, пожимали руку или хлопали по плечу – еще бы, сдал экзамен самому министру!

Впоследствии Даль получит чин мичмана и станет моряком, но офицерскую службу всё же оставит. Его интерес к языку, наблюдательность, чувство слова видны уже в записях в гардемаринском журнале, который легко дает почувствовать атмосферу происходившего в том учебном плавании и понять психологию отношений и мотивы поступков юных моряков.

Между тем занятия шли по расписанию: гардемарины осваивали такелаж, лазали на марсы и салинги⁹, выполняли обязанности при авральных работах, учились управляться с пушками во время учебной тревоги, стреляли из ружей и фехтовали. Постепенно учились – под наблюдением офицера – поворачивать судно против ветра и по ветру, ложиться в дрейф под разными парусами, спускать и поднимать стеньги и реи, бросали с кормы лаги для определения скорости брига. А еще – постигали азы навигации: капитан обязан знать местоположение корабля в море. Для этого определяли по звездам координаты якорных стоянок брига, делали вычисления по астрономическим таблицам и докладывали офицеру. Вот где пригодились познания в астрономии и математике!

По всему видно – от безделья в учебном плавании никто не страдал, только успевали поворачиваться: в хорошую погоду учились обращаться с парусами, в плохую – писали журналы, когда всё сделано – учили языки и делали переводы – письменные, по несколько страниц, на оценку. Накануне воскресной всенощной читали вслух Евангелие, князь толковал и объяснял непонятные места.

Зачем же так нагружать детей, спросит иной современный родитель. У корпусных офицеров таких вопросов не возникало, потому что знали: главное в организации времени подростков – не допускать праздности, все беды от безделья. К тому же они не дети, а гардемарины.

Ширинский-Шихматов из каждого порта исправно слал отчеты директору корпуса. Сначала о главном: «...спешу и честь имею донести вашему превосходительству, что все вверенные мне гардемарины здоровы и во всём обстоят благополучно». Затем – о том, где были: в Роченсальмском порту, в Свеаборге, в Риге, в Ревеле, в Стокгольме. Чем занимались: «...стоя на вахте, исправляют они возлагаемую на них по званию их должность. Кроме общего вахтенного журнала, каждый из них ведет свой частный журнал, в котором, сверх главных слу-чаев с судном, помещают свои упражнения и описание всего, что на берегу и в разных портах

⁹ Марс – площадка на мачте. Салинг – рама из брусьев на стеньге (продолжении мачты).

видели и увидят... сами кидают лаг, берут пеленги, делают счисление... прокладывают путь брига по карте... в ясную погоду для сискания широты берут секстаном высоту солнца, иногда и пополудни замечая азимут и час для проверки компаса и часов».

Перед тем как сняться с якоря, гардемарины по карте изучали маршрут, заучивали румбы (направления) входов, выходов, маяков, других примечательных мест, а потом, проходя мимо них, сверяли путь по карте с тем, что видели³⁰.

По отчету получается вполне благостная картина. Ну а в жизни за этими мальчишками нужен был глаз да глаз. Получили приказ осваивать такелаж – есть осваивать! Наверх, кто быстрее! А вот вниз... можно не ногами, а головой!

– Это как?

– Как молодой чухонец Иоганка показывал, видел? Он за гривенник вниз головой спускался, а мы что же?

И началось! Раз-два, раз-два – загорелые руки быстро перехватывают веревки. Получилось!

– А если с салинга?

– Нет, с салинга не получится, братцы, какая верхотура...

– Попробуем?

Получилось, даже с салинга получилось!

– Господа, кто с марса?

– Нет, с марса никак нельзя, разбиться можно. Помните матроса, что в первый день упал?

– Так он не такой ловкий был. Главное, чтобы князь не увидал!

Случались и оплошности. Один раз спускался Завалишин вниз головой, а в это время на палубу князь выходил.

– Князь! Князь! Быстрее! – закричали ему.

Пришлось Завалишину опрокидываться и вниз ногами спускаться, как положено. Успел вроде бы, спустился, да веревкой ногу поранил.

– Друг мой, что это? – князь увидел кровь на штанине гардемарина. Пришлось признаться.

Или вот еще – переходить с одной мачты на другую по снастям, как канатоходец в цирке. На этом Рыкачев попался: оступился, повис на руке да так сжал веревку, что сам спуститься уже не смог. Пришлось звать на помощь. Деревянную доску, что беседкой называют, под него подвели, вниз спустили, а руку потом спиртом долго оттирали, чтобы разжать. Ничего, обошлось.

И Нахимов тоже попался. Любили гардемарины бегать наперегонки кругом корабля вдоль бортов. Рискованно, конечно, можно было и за борт свалиться. Но как здорово! Однажды Павел бежал по краю борта, а в это время воспитатель на палубу вышел.

– Князь идет! Быстрее!

Хотел соскочить Павел, да ногой за веревку зацепился, упал на палубу и подбородок о железное кольцо рассек. Лицо в крови, а сам кричит:

– Братцы! Князю только не рассказывайте! – а князь уже здесь стоит и всё видит.

Наказывали, конечно, как без наказаний? «Мало одних замечаний, – считал Нахимов, став офицером, – с них надо взыскивать, и чем чаще это будет делаться – тем лучше. Надо, чтоб эти молодые люди для их же пользы поняли с ранних лет всю строгость дисциплины на море. Конечно, наказания должны быть сообразны с воспитанием и летами; так, например, неповоротливого и сонливого надо посылать по несколько раз на вахту чрез салинг, ленивого ставить не в очередь на вахту, по смене сажать на салинг; в ночное время ставить вместо часового смотреть вперед; на якоре – не увольнять на берег, ставить в караул и проч., и проч.»³¹.

Об одном из таких «проч.» он рассказал, вспоминая свои гардемаринские плавания: «Мы, гардемарины, исполняли все матросские работы. И раз за упущение или непослушание

приказано было обрезать выбленки (тросовые ступеньки, по которым взбираются на мачты. – *Н. П.*) на бизань-вантах, и мы, гардемарины, должны были снова идти на марс и продолжать учение»³². Эти самые выбленки они вязали сами, если заставили переделывать – значит, плохо связали. Правда, на бриге, в отличие от Морского корпуса, не пороли.

Самое интересное – стоять вахту вместе с офицерами. Видишь, как завершается день вместе с не спешащим исчезнуть солнцем, блеск золота освещает серую рябь воды. Бриг мягко скользит в полной тишине, впереди лишь закругленность горизонта. Но вот уже и рдеющий закат угас; молча смотришь вдаль, будто вбирая в себя вселенский покой, рождающий ощущение безмятежности; чувствуешь, как страсти утихают, и наполняешься спокойной радостью. Темнота подступает незаметно, размывает и делает неясными очертания берегов, в теплые дни легкий пар поднимается от воды. А утром наблюдаешь, как яркой бусиной загорается на бледном небе солнце и окрашивает розовым сонную зыбь воды.

Павел уже давно приметил: вода имеет разный цвет. В его родном Днепре, что петляет по Смоленской губернии, прячась в густых зарослях ивняка, она зеленоватая, в Неве и Финском заливе – свинцово-серая, а в Балтийском море – то голубиная, то холодно поблескивает сталью, то удивляет яркой зеленью у Готланда. Ему еще предстояло пересечь Атлантический океан, чьи воды блещут синевой на экваторе, словно отражая такое же синее, без единого облачка, небо, и увидеть совсем не Тихий океан, черно-пепельные громады волн которого ужасают во время штормов у берегов Америки. А на берегу он будет любоваться яркой красотой тропических парков Бразилии и Канарских островов.

Но краски юга утомляют и быстро наскучивают, в отличие от природы равнинной России, окрашенной в полутона, беспрестанно удивляющие новизной. Эти бесхитростные картины среднерусской природы Нахимов часто будет вспоминать во время заграничных походов, как и то, первое плавание по Балтике, которым он начал свое морское образование.

Самым запоминающимся было посещение портов – российских, шведских и датских. Первым был Роченсальм (Котка) на юге Финляндии. Финляндия отошла к России всего восемь лет назад, после проигранной Швецией войны 1808–1809 годов. Начальник порта Федор Васильевич Веселаго принял гардемарinov и офицеров как родных, по словам Даля – отнесся к ним так, «как возможно было поступить родителям со своими детьми». Сам показывал город и порт, окрестности, крепость Кюмень в десяти верстах от города и знаменитые пороги на реке Кюмень. «Роченсальм вообще выстроен на граните, но несмотря на сие дерево довольно земли в каждой ущелине себе находит, чтобы расти. Весь город построен промежду соснами и березами».

В первый же день Веселаго пригласил всех гардемарinov к себе обедать, для них специально истопили баню. После обеда оставлял у себя ночевать. Конечно, всем остаться воспитатель не разрешил, увез обратно на бриг, но троих хозяин всё же оставил у себя – Завалишина, отца которого хорошо знал, и его друзей Нахимова и Фофанова. На следующий день все снова у него обедали и снова остались ночевать, и еще Станицкий за компанию.

Вокруг дома начальника порта располагался небольшой ухоженный садик, выходящий прямо к морю. По маленькому мостку, переброшенному из сада, можно было пройти на остров, где стояла беседка. В этом садике гардемарины бегали взапуски, купались, потом пили чай в беседке и снова обедали с семьей начальника порта.

Ни классов, ни строя, ни корпусных стен, ни надоевшего распорядка и гречневой каши, а только ширь, простор, новые города, знакомства, впечатления и... море! Стихия, которая покоряется и сама покоряет тебя. Дух захватывает, и голова идет кругом!

Всего неделю провели гардемарины в Роченсальме, а вспоминали потом всю жизнь – так сердечно, по-отцовски принимал их Веселаго. И выросший на камнях город понравился.

В дорогу радушный хозяин снабдил мальчишек «живностью, убедив... сего усердия его не отринуть», а воспитателю Сергею Александровичу прислал несколько свежих огурцов – в середине июня в Финляндии это была огромная редкость.

Следующая стоянка была в Свеаборге, крепости на острове близ Гельсингфорса. Здесь воспитатель повел своих подопечных на литургию в церковь, потом представил капитан-командору и главному командиру Свеаборгского порта Логину Петровичу Гейдену. Боевой моряк сам изъявил желание познакомиться с будущими офицерами. Пройдет всего несколько лет, и вчерашние мальчишки – теперь уже мичманы и лейтенанты – будут принимать участие в кампании на Средиземном море под его командованием. А пока – «он принимал их весьма ласково и пригласил сегодняшний день поутру съехать на берег, для осмотра как порта, так и крепостей, сколько на сей день успеем, а потом к нему обедать».

Думали простоять в Свеаборге с неделю или даже меньше, а получилось две недели: пополняли провизию, устраняли недоделки, красили бриг, чтобы явиться за границу в лучшем виде. А потом задули противные ветра. Наконец, 27 июня покинули порт и взяли курс на Ригу. 2 июля отдали якорь на рижском рейде. «Стояние наше на сем рейде, небезопасное, в случае ежели задует крепкий от N (норд, то есть северный. – Н. П.) ветер, по предположению нашему, должно быть самое краткое; побывав единожды в городе, дабы получить некоторое о нем понятие, немедленно направим мы плавание наше к Стокгольму»³³, – рапортовал воспитатель.

Рига никому не понравилась. Достопримечательности рижане показали, но прием показался сухим, особенно на фоне радушного отношения в финских портах. «Июля 4, в среду. Ярмарка в Риге. Купцы суть по большей части жида, есть также несколько немцев, а русских я только троих видел», – записал Даль в дневнике. Он отметил не только малочисленность русского населения, но и явную нелюбовь к русским. Эту особенность рижан почувствовали все гардемарины и не преминули записать в журналах. Завалишин заключил: «В Риге, в своей земле, явно выказывали недовольство к русским, тогда как, напротив, в чужих государствах, в Швеции и Дании, нас принимали, начиная от двора и до каждого частного лица, куда нам приходилось заходить, не только как своих, но даже как будто родных, особенно в Дании»³⁴. Так что Ригу покинули без сожаления.

Одиннадцатого июля бросили якорь в Стокгольмском порту. Здесь представились находящемуся при шведском королевском дворе российскому послу инженер-генералу Павлу Петровичу фон Сухтелену. «Его превосходительство исходатайствовал нам представление всей королевской фамилии, – докладывал главному командиру Кронштадтского порта лейтенант Дохтуров. – После представления ее в[еличество] королева и е[го] в[ысочество] кронпринц сделали нам угощение... Между тем, в продолжении пребывания нашего здесь, делали нам посещения разные знатнейшие особы обоего пола и иностранные посланники, для коих делались маневры с парусами, пушечная и ружейная экзерциция и всё, что служит к чести флага и службы е[го] и[мператорского] в[еличества]»³⁵.

Выполняя маневры, никто не осрамился, а во время учебного сражения с абордажем, которое показывали гостям, воодушевленные гардемаринами матросы так увлеклись, что вступили в настоящую драку, и среди них даже были раненные штыком и топориком. В общем, старались, как могли.

На шведском престоле в то время был Карл XIII, человек старый, больной и, по слухам, впавший в детство. Фактически страной управлял кронпринц – наполеоновский маршал Жан-Батист Жюль Бернадот, он и принимал гардемарин.

Королева Гедвига Елизавета Шарлотта дала им аудиенцию в своем дворце. Гардемарины рассмотрели ее со всем вниманием: «...королева была в голубом шелковом платье с кружевами и такой [же] шляпе с белыми перьями». С некоторыми она говорила, однако повезло не всем.

«...я опять не был в числе тех», – сетовал Даль. Королева угощала мальчишек лимонадом, который они пили с большим удовольствием.

Видимо, королева лучше разбиралась в воспитании подростков, чем кронпринц: тот очень хотел угодить гостям, в особенности князю Шихматову, и приказал подать не детский лимонад, а настоящий пунш – «разумеется, слабенький». Князь попробовал напиток – он оказался достоин морских волков. Как быть? Не разрешить пить – обидеть принца, разрешить – напоить воспитанников. Опытный воспитатель нашел выход: на французском языке дал разрешение выпить, а по-русски тихонько добавил: «Не пейте, друзья мои, очень крепко». И ребята только пригубили пунш, чтобы не обижать хозяина дворца. Но с кем-то свобода сыграла злую шутку: «нашлись и такие, которые считали дозволение на французском языке важнее совета на русском и опорожнили стаканы залпом».

Когда сходили на берег, посещали Морской кадетский корпус, познакомились со шведскими кадетами. Говорили на французском, английском и русском – в шведском корпусе учили русскому языку. И, конечно, сравнивали их подготовку со своей: «Мы видели их гимнастические упражнения, для чего поставлены в саду два шеста, высокие, довольно толстые, представлявшие мачту, и протянутые по оным веревки, по коим они лазали различным образом». Потом обсуждали: у нас в корпусе таких снарядов нет, было бы недурно их иметь, а вот умение с разбегу прыгать на лошадь, которым так гордились шведские кадеты, бесполезное – к чему моряку лошадь?

Зато обед в корпусе всех привел в восхищение: «Сей обед был великолепен, пышен и богат. Всевозможные вина и напитки подавали за столом... По окончании обеда пили за здоровье принца и кричали “ура!”. Потом пошли в сад, в беседку, построенную в виде храма, которого колонны сверху донизу обвиты были лаврами. Здесь пили кофий, а потом пошли смотреть гимнастические упражнения кадет». Но какие упражнения могут получиться после обильного обеда с напитками? «Сей раз вольтижирование их было не весьма вкусно», – не без язвительности записал Даль в журнале.

Как бы хорошо ни принимали в Швеции, но самое отрадное впечатление оставила Дания. Здесь, отпрапортовал князь Шихматов, «гостеприимство превзошло всякое наше ожидание». Датский король Фредерик VI в то время находился в Голштинии, но перед отъездом выделил средства и поручил директору Морского кадетского корпуса в Копенгагене адмиралу Снедорфу принять гостей. «Для исполнения воли своей он не мог сделать лучшего выбора, ибо сей летами и знаниями почтенный муж каждый день нашего здесь пребывания, удовлетворяя нашему любопытству, старался доставлять нам новые удовольствия, и неутомимое его о том попечение поистине достойно всякой от нас похвалы и благодарности». Русско-датские отношения в этот период переживали свои лучшие времена: Дания была союзницей России в двух предыдущих войнах – против Англии в 1807–1814 годах и против Швеции в 1808–1809 годах. Во время войны английский десант захватил Копенгаген и уничтожил почти весь датский флот, потому датские моряки горели желанием отомстить Англии, Россию же традиционно надеялись видеть своей союзницей.

Гардемарины осмотрели адмиралтейство, оставшиеся после разграбления англичанами пустые арсеналы и строящиеся корабли. Видели королевскую библиотеку, музей и кунсткамеру, были в театре, смотрели дворец Фридрихсбург, в котором коронуют датских королей, Гельсинор (Хельсингёр) – шекспировский Эльсинор, где разыграли сцену явления принцу Гамлету тени его отца.

Гости посетили загородную королевскую резиденцию Фреденсбург и королевский конный завод. И, конечно, познакомились с датскими кадетами: те демонстрировали свои успехи во французском и английском языках, в рисовании, танцах, гимнастике. Даль раздал датчанам листочки и попросил написать несколько слов на память. Эти листочки со стихотворными экс-

промтами, старательно написанными аккуратным почерком, до сих пор лежат в гардемаринском журнале Владимира Даля.

Всё было так хорошо! В вольтижировке датчане показали себя искуснее шведов, и вообще, считал Даль, «здешние кадеты гораздо лучше стокгольмских». Это и понятно – Дания была родиной его отца. Владимир даже искал в Копенгагене родню, однако никого не нашел. Когда русских мальчишек представляли наследнику датского престола принцу Кристиану и принцессе Каролине Амалии, то они увидели такое внимание к себе, что были удивлены. Наконец-то сбылись мечты: их высочества говорили с каждым! После угощения принц с братом Фердинандом предложили прокатиться на шлюпках по озеру: «При игании музыки сам с нами поехал, посадив некоторых из нас с собою, и был правителем и предводителем потешного нашего флота».

Обстановка была такая непринужденная, что некоторые гардемарины и вовсе забыли об этикете. Когда во дворце королева предложила Степану Лихонину варенье, тот, вместо того чтобы взять у нее тарелку, вооружился ложкой и стал как ни в чем не бывало есть варенье и беседовать с королевой, державшей перед ним тарелку. Хохот вокруг, а он и не замечает, знай уплетает. Что тут скажешь: в 15 лет люди вроде бы уже и взрослые, а привычки у них всё еще детские.

С Владимиром Далем оплошность случилась на балу. Каждому гардемарину определили даму, чтобы с ней танцевать и после вести к столу. Как и Нахимов, Даль не относился к числу любителей танцевать. Кое-как отговорился, уединился в саду и... уснул. Там и нашли его после бала. Он очень удивился, когда его разбудили, и рассказывал потом, что видел во сне прекрасный водопад.

Отличились и Федор Колычев с Иваном Бутеневым: не вняли советам князя соизмерять количество предлагаемых напитков со своими силами и, опьянев, уснули в беседке. Директор датского Морского корпуса посмеялся над незадачливыми русскими. Тогда все решили спасти честь русского гардемаринского мундира – правда, весьма своеобразно: на следующий день в отместку напоили датских гардемарин и живописно расположили их по разным беседкам, предложив директору полюбоваться на своих подопечных.

– Опять кто-то из ваших нализался? – улыбаясь, спросил адмирал.

– А вы зайдите в беседку да посмотрите.

Адмирал потом долго хохотал и рассказывал об «изобретательности русских плутишек».

Принимали датчан у себя на бриге, угощали чаем и «чем могли» (так записали в журналах).

Словом, визит удался. Шесть дней простояли в Копенгагене, дожидаясь попутного ветра, 1 сентября, так и не дождавшись, подняли паруса и при тихом ветре оставили гостеприимную датскую столицу. Выйдя в море и лавируя, миновали острова Борнхольм и Готланд и, наконец, поймав свежий ветер, взяли курс на Дагерорт. 7 сентября прошли остров Нарген и встали на ревальском рейде³⁶. Будущим командирам предстояло не раз ходить этим маршрутом, а потому заучивали румбы, сличали местность с картой, обучались лавированию в море. Пополнив запасы провизии и воды и осмотрев Ревель, поспешили в родной Кронштадт, а оттуда – в Петербург.

Чудесное плавание завершилось, приключения, балы и обеды закончились. Предстояло готовиться к экзаменам на первый офицерский чин.

Экзамены

К экзаменам готовились основательно, повторяли всё, изученное за три года. Проходили испытания в январе – феврале. Собственно, это был не один, а целая череда экзаменов. «Надлежало пройти через несколько комиссий: свою, домашнюю, флотскую, артиллерийскую, астрономическую, духовную и главную»³⁷, – каждую со своими экзаменаторами.

«Домашняя» комиссия была самой строгой – состояла из корпусных офицеров, но не учителей, если же кто-то из офицеров был и преподавателем, то своих учеников он не экзаменовал; председательствовал помощник директора. Спрашивали по всем предметам, долго и придирчиво. Кто прошел первую комиссию – шел на вторую, флотскую. Там экзаменовали назначенные министром поименно адмиралы, капитаны и кораблестроители. В третью назначались артиллеристы из морского и сухопутного ведомств, в четвертую – астрономы из Академии наук и обсерватории, в пятую – члены Синода и преподаватели Закона Божьего. Наконец, на последнем испытании присутствовали министры и высшие сановники, допускалась и публика.

Баллы для оценивания успеваемости тогда еще не употреблялись, приняты были оценки: «отлично хорошо», «весьма и очень хорошо», «хорошо», «довольно хорошо», «посредственно». «При этом, – отмечает Д. Завалишин, – получивший отметку “посредственно” выпускался так же в мичманы, как и те, кто получал отметку “отлично”, только, разумеется, ставился ниже в выпускном списке, в каком порядке считалось и старшинство при производстве»³⁸.

Каковы же были оценки гардемарина Павла Нахимова? – «Очень хорошо»: Закон Божий, алгебра, высшие вычисления, механика, теория морского искусства, опытная физика, корабельная архитектура, артиллерия, фортификация, русская грамматика. «Весьма хорошо»: арифметика, геометрия, тригонометрия, геодезия, навигация, астрономия, история и география. Практику и эволюции освоил на «хорошо», по-французски «говорит, переводит и сочиняет хорошо».

Ни одной «довольно хорошо» и «посредственно» – только высокие баллы! Общий итог: «...комиссия, рассматривая знания здешних и Черноморского флота гардемарин, составила общий список старшинства по степени ответов их в знании наук, а именно, из первых и лучших... 1-м Платона Станицкого, 2-м Захара Дудинского, 3-м Михайлу Рейнеке, 4-м Василия Соколова, 5-м Андрея Чигиря, 6-м Павла Нахимова»³⁹. Шестой из 109 экзаменованных!

Девятого февраля вышел приказ министра о присвоении выпускникам – и среди них Нахимову – первого офицерского звания мичмана. Конечно, поздравляли друг друга, отмечали, веселились. Особенно радостно было, что оба приятеля, Рейнеке и Нахимов, оказались в списке лучших: один на третьем месте, второй – на шестом.

Однако радость новоиспеченного мичмана была вскоре омрачена. «12 февраля 1818 г. сельца Городка г-на майора Степана Михайловича Нахимова жена Федосья Ивановна умре скоропостижно без покаяния». Успел ли Павел вместе с братом Иваном добраться из столицы до родного Городка, чтобы проводить матушку в последний путь, неизвестно.

Отпевал новопреставленную всё тот же священник Георгий Овсянников в церкви Спаса Нерукотворного, где он крестил ее 11 детей. Похоронили ее в фамильном склепе, рядом с умершими в малолетстве детьми.

Вот так самое радостное и самое печальное события в юности Павла Нахимова соединились. Ему еще не раз предстоит испытать радость побед, омраченную горечью утрат. Но та потеря была самой ощутимой.

Юный мичман Павел Нахимов был назначен во 2-й флотский экипаж и 1818–1819 годы провел в столице – как написано в послужном списке, «при берегу»⁴⁰. В 1820 году его назначили на тендер¹⁰ «Янус» под команду лейтенанта Александра Дмитриевича Ахлестышева. Отзыв о Нахимове были самые положительные: «поведения благородного, в должности усерден». Назвать интересной службу в Кронштадте было нельзя – всё те же стояние на рейде да плавание до Красной Горки и обратно с мая по октябрь. У Нахимова сохранились прекрасные отношения не только с Ахлестышевым, но и его семьей. В письме брату он передавал привет и слал поклоны лейтенанту, его супруге и детям.

В 1821 году Нахимова перевели в Архангельск, в 23-й флотский экипаж. В Архангельск получили назначение и его друзья Михаил Рейнеке и Михаил Бестужев. Вот радость! «Время быстро летело в дружеских беседах с ним, – вспоминал Бестужев о Нахимове, – в занятиях по службе и приятных развлечениях, какими был так обилен в то время город Архангельск... Я живо помню бал в клубе и потом ужин. Там мы танцевали и пировали с ним в последний раз»⁴¹. Для троих друзей время, проведенное на берегах Двины, было порой счастливой и безмятежной юности, короткой, как северное лето, но запомнившейся на всю жизнь.

Вскоре Павел ушел в трехлетнее кругосветное плавание на фрегате¹¹ «Крейсер», Рейнеке отправился на Белое море, Михаил Бестужев в Кронштадт, а затем на Сенатскую площадь, в Петропавловскую крепость и в Сибирь.

Павел Нахимов и Михаил Рейнеке перед длительной разлукой увиделись еще раз – в Копенгагене, куда зашли корабли кругосветной экспедиции. Встреча была короткой, и при расставании у Нахимова, к его огорчению, слов не нашлось, за что и корил себя в письме другу: «Ах! Как живо помню, когда последний раз в Копенгагене простился с тобой, я был нем, чтоб сказать то, что чувствовал, да и теперь тоже»⁴². Они с Михаилом часто говорили о словах и чувствах, и оба пришли к убеждению: кто сильно чувствует, тот не теряет слов. И вот, пожалуйста, – чувства-то есть, да слов не нашлось. Но Михаил уже хорошо изучил своего друга, знал его сдержанность и нелюбовь к пустым словесам. Да и к чему слова, когда и так всё ясно?

¹⁰ Тендер – одномачтовый парусный корабль, использовался для посыльной и дозорной службы.

¹¹ Фрегат – трехмачтовый парусный корабль с вооружением до шестидесяти пушек.

Глава вторая

Кругосветное плавание

Фрегат «Крейсер»

И вот он наступил, этот счастливый миг! Сейчас из толщи воды вынырнут, гремя цепями, якоря, фрегат расправит белоснежное оперение парусов и заскользит при попутном ветре по водной глади кронштадтского рейда в открытое море. А на борту фрегата – счастливчики: лейтенанты Иван Куприянов, Михаил Анненков, Федор Вишневский, мичманы Иван Бутенев, Ефим Путятин, Дмитрий Завалишин, Александр Домашенко, Павел Муравьев и Павел Нахимов. Что чувствовал он в этот миг, о чем думал? Ведь придется идти не по «маркизовой луже», как в насмешку называли моряки часть Финского залива от устья Невы до Красной Горки, а вокруг света – *в безызвестную*. Начало похода схоже с ожиданием сражения, с той лишь разницей, что первого ждали не только с тревогой, но и с затаенной гордостью, потому что желающих идти в кругосветку было множество, а назначали немногих.

Польза от кругосветных экспедиций была несомненная: здесь и представительство России в самых отдаленных уголках земного шара, в землях, открытых во время этих плаваний, и бесценный опыт для офицеров и матросов, и научные исследования в области гидрографии, географии, этнологии, естествознания. После появления российских колоний на Аляске, Алеутских островах и в Калифорнии – а это около полутора миллионов квадратных километров – экспедиции стали поддержкой в освоении новых земель, Российско-Американская компания (РАК) только в первой половине XIX века организовала 25 экспедиций, из них 13 кругосветных.

В те времена Россия держала в океане не менее трех кораблей, выполнявших крейсерские обязанности: один шел в Тихий океан из Кронштадта, другой находился на Дальнем Востоке, третий возвращался в Балтийское море. На флоте служили матросы, совершившие не один кругосветный поход, а для офицеров кругосветное плавание становилось прекрасной школой – их ждали тайфуны и ураганы Тихого и Атлантического океанов, тропическая жара и снеговые шторма, коралловые рифы и острова с туземцами. Кто из моряков не мечтает об этом? Вот почему те, кто 17 августа 1822 года пришел проводить фрегат «Крейсер», были грустнее отплывающих.

Капитан и его команда

Английские моряки говорят, что в море капитан – первый после Бога. Командиром экспедиции и фрегата «Крейсер» был назначен Михаил Петрович Лазарев, к тому времени уже известный мореплаватель. Лазарев окончил Морской корпус и в числе лучших был откомандирован для практики на британский флот. Пять лет он плавал мичманом на английских кораблях в Средиземном море и Атлантическом океане, получил опыт боевой службы, затем вернулся в Россию, участвовал в русско-шведской войне 1808–1809 годов и в Отечественной войне 1812 года. В 1813–1816 годах он совершил свою первую кругосветку командиром корабля «Суворов», во время которой была открыта группа островов в Тихом океане, названная именем великого полководца. В 1819-м на шлюпах «Восток» и «Мирный» Лазарев и Беллинсгаузен отправились во вторую кругосветку и открыли новый материк – Антарктиду.

Для третьей экспедиции построили фрегат «Крейсер» и переоборудовали военный шлюп¹² «Ладога». Командиром шлюпа был назначен старший брат Михаила, капитан-лейтенант Андрей Лазарев. Помимо уточнения координат и нанесения на карту целого ряда территорий, экспедиция имела и сугубо практические цели: доставить груз на Камчатку и в поселения Русской Америки. Военный шлюп «Аполлон» – единственный русский корабль у берегов Калифорнии – должен был вместе с «Ладогой» возвратиться домой, а фрегат «Крейсер» – остаться у берегов Америки до прибытия смены.

Перед началом экспедиции М. П. Лазареву была дана подробная инструкция о порядке крейсирования: «Государю императору благоугодно всемерно сохранять наилучшее согласие в сношениях своих с иностранными державами и особенно иметь в виду избежать, чтобы между российскими и американскими кораблями не дошло до самоуправства и от того не последовало бы каких-либо неприятных событий». Предписывалось держаться «сколь можно ближе к твердой земле»: «Чтобы сие наблюдение имело предметом недопущение всякой запрещенной торговли и всякого посягания» на права компании, в первую очередь предписывалось не допускать продажи местным жителям огнестрельного оружия «без согласия их начальства»⁴³.

Чтобы попасть в кругосветку, молодые офицеры прикладывали значительные усилия, порой пуская в ход семейные связи и знакомства. К примеру, Путятин был назначен по протекции всесильного управляющего Собственной Его Императорского Величества канцелярии графа А. А. Аракчеева, протекцией воспользовался и Вишневский – офицер элитного Гвардейского экипажа. Но остальных Лазарев отбирал лично, желая видеть на своем корабле дисциплинированных, ответственных и, главное, любящих морскую службу офицеров. Его выбор пал на лучших выпускников Морского корпуса, подающих надежды.

Кстати, в свое время в кругосветку собирался старший брат Нахимова. Лейтенант С. Я. Унковский в записках об экспедиции на корабле «Суворов» поведал такую историю. Первоначально Российско-Американская компания предложила возглавить экспедицию к берегам Америки капитан-лейтенанту Макарову, опытному морскому офицеру. «В июне месяце [1813 года] корабль начали вооружать в Средней гавани [в Кронштадте]; были поставлены новые мачты и весь рангоут приготовлен новый. Капитан-лейтенант Макаров выбрал себе офицеров лейтенанта Нахимова, мичмана Бестужева, штурмана 14 класса Самсонова»⁴⁴. О котором из братьев Нахимовых идет речь, Унковский не пояснил; полагаем, по возрасту и званию более других подходит Николай. В экспедицию, правда, он так и не попал, но не по своей вине: Макаров рассорился с директорами компании, запросив для офицеров сверх оговоренных в контракте 1200 рублей годовых еще по 800 рублей. Он посчитал, что руководству РАК волей-

¹² Шлюп – военный трехмачтовый парусный корабль.

неволей придется принять его условия: на дворе сентябрь, в более позднее время года в дальние вояжи не выходят, – и потому оставался непреклонен. Однако директора компании разбирались в коммерции явно лучше морского офицера и на шантаж не поддались, расторгли договор и пригласили командовать экспедицией Михаила Лазарева, который и набрал новую команду.

Отношения руководства компании, офицеров флота и главного правителя Русской Америки А. А. Баранова складывались совсем не просто, командирам кораблей приходилось считаться с волей Баранова, который был царь и бог на подвластных ему территориях. В 1815 году Лазарев уводил свой корабль от берегов Аляски под огнем пушек, стрелявших по приказанию взбешенного Баранова. Лазареву потом долго пришлось писать оправдательные документы и объяснять причину конфликта.

Вот поэтому в 1822 году, отправляя новую экспедицию к берегам Аляски и Калифорнии, начальник Морского штаба А. В. Моллер напомнил Лазареву о его обязанностях: «...должны принять за правило не вступаться в местные существенные обязанности и распоряжения колониального главного правителя, предоставленные ему одному»⁴⁵.

С мичманом Павлом Нахимовым Лазарев познакомился в Архангельске. Мечтал ли Нахимов о кругосветке? Мечтать-то мечтал, да вот надеяться мог только на себя. Мелкопоместный дворянский род и отсутствие нужных знакомств – не лучшие помощники в продвижении по службе. Но море, как и поле битвы, всех расставляет по своим местам, здесь протекция не поможет – только способности, опыт, труд, иногда везение. Так что у Нахимова был единственный способ продвинуться: служить честно, набираться опыта, а опытность, по его выражению, «что сталь – нуждается в закалке». К такому убеждению он придет после многих лет службы и будет не раз повторять эти слова молодым морякам.

По воспоминаниям товарища Нахимова по Морскому корпусу А. Рыкачева, когда Лазарев предложил Нахимову идти в кругосветку, тот «согласился с восторгом». Еще бы! Служить под началом известного капитана, на военном корабле, признанном за «образец возможного совершенства», – это ли не счастье для моряка?

Адмиралтейств-коллегия утвердила список офицеров, назначенных в кругосветное плавание на фрегате «Крейсер», с указанием годового жалованья. Лейтенантам определили по 720 рублей, мичманам Павлу Нахимову, Дмитрию Завалишину, Павлу Муравьеву, Ивану Бутеневу, Ефиму Путятину, Александру Домашенко – по 600 рублей⁴⁶.

Много это или мало? Можно сравнить с ценами на продукты: пуд (16,3 килограмма) пшеничной муки 1-го сорта стоил в столице в 1822 году 5 рублей 83 копейки, пуд коровьего масла – 20 рублей 38 копеек, ведро молока – 3 рубля 4 копейки, сотня куриных яиц – 4 рубля 85 копеек, пуд говядины – 9 рублей 86 копеек⁴⁷. Но это нам мало что скажет – офицеры хозяйство не вели, квартиру снимали, обедали в трактире. Заметим, что 600 рублей получали в год, в месяц выходило 50 рублей – на эти деньги можно было купить, к примеру, десять бутылок шампанского.

Можно сравнить размер мичманского жалованья с ценами на крепостных, ведь у Нахимова в имении были крепостные: ревизская (мужская) душа стоила тогда 75 рублей, женщины – вполовину дешевле.

Можно еще сравнить с материями иного толка: коллежский секретарь А. С. Пушкин, числившийся по Министерству иностранных дел, за поэму «Кавказский пленник» получил от издателя в 1821 году гонорар в 500 рублей – и был совершенно счастлив, поскольку годового семисотрублевого жалованья ему не хватало.

И Нахимова доходы от имения прокормить не могли, так что жалованье оставалось для него главным средством существования. Если вспомнить лишения и жертвы, с которыми сопряжена морская служба, особенно в дальних походах, то жалованье офицера окажется

с ними несоразмерно. Однажды забавы ради моряки подсчитали, что сумма офицерских окладов на всём флоте равняется затратам на содержание одной гвардейской роты. Было это во времена императрицы Екатерины II. «С тех пор разница поуменишилась, но вовсе не потому, что моряки стали богаче»⁴⁸, – заметил один из них. Конечно, мичманское звание – это первая ступень служебной лестницы. Но и прослужив 35 лет на море и получив чин контр-адмирала, офицеры имели жалованье, которого едва хватало, чтобы держать пару лошадей и небольшой экипаж. А содержание семьи, обучение детей, наем жилья, лечение? «Серебряные ножи и вилки между моряками большая редкость. Мебель, убранство комнат и образ жизни самые простые и бедные, и нельзя назвать ни одного морского офицера, который составил бы себе на службе состояние, тогда как в других отраслях государственной службы лица и не в генеральских чинах живут в достатке и часто роскошно, наживают дома и деревни и оставляют имения детям»⁴⁹, – докладывал императору в 1853 году великий князь Константин Николаевич.

Команду фрегата составили 176 человек с общим годовым жалованьем 12 380 рублей 30 копеек. Питание и обмундирование шли за казенный счет. Рулевые матросы 1-й статьи получали по 16 рублей в год, марсовые – по 15, остальные – по 13 рублей; канониры 1-й и 2-й статей – по 13 и 9 рублей соответственно. Входили в экипаж также плотники, парусники, конопатчики, котельщики и другие рабочие. Шлюпочный плотник 2-го класса, к примеру, получал 24 рубля годовых и еще столько же за дальний вояж⁵⁰. По сравнению с офицерским жалованьем это гроши, но рачительные матросы и рабочие успевали за время плавания скопить небольшой капитал, в основном выполняя для офицеров работы на заказ.

В дальнем походе – а собирались идти на три года – в замкнутом пространстве корабля особое значение приобретают отношения в команде. Не только от капитана – от всей команды зависит, достигнет ли экипаж, как говорят моряки, «сплаванности». Поэтому в кругосветку предпочитали брать людей знакомых. Так, для Куприянова и Анненкова это была уже вторая экспедиция под командованием Лазарева. Нахимов повезло: в Морском корпусе он учился вместе с Иваном Бутеневым, Дмитрием Завалишиным и назначенным на шлюп «Ладога» мичманом Николаем Фофановым, гардемаринном ходил вместе с ними по Балтийскому морю. С теми офицерами, кого узнал в кругосветке, Нахимов скоро подружился и в письмах характеризовал всех как людей «отличных» – кроме лейтенанта Кадьяна (о нем речь пойдет особо).

Офицеры, прошедшие под командованием Лазарева школу кругосветки, оставили свои имена в истории флота. Ефим Путятин стал адмиралом, возглавил кругосветную экспедицию на фрегате «Паллада», открыл новые земли, установил дипломатические отношения с Японией, в 1861 году занял пост министра народного просвещения. Иван Куприянов в 1835 году был назначен главным правителем русских колоний в Северной Америке, дослужился до звания вице-адмирала. Иван Бутенев героически проявил себя в Наваринском сражении.

Самые доверительные отношения сложились у Нахимова с Завалишиным, чья биография могла бы стать сюжетом авантюрного романа. Дмитрий был сыном генерал-майора Иринарха Завалишина, сподвижника Суворова, сочинителя од и поэм. Прожил Дмитрий Иринархович долгую – 88 лет – и богатую событиями жизнь. Человек разносторонних интересов, он знал девять языков, преподавал в Морском корпусе математику, астрономию и механику (его лекции слушали будущие герои Севастополя Истомин и Корнилов), живо интересовался политикой. Близко знал многих членов и организаторов тайных обществ, в выступлении на Сенатской площади в декабре 1825 года участия не принял, однако это не помешало следственной комиссии осудить его на 20 лет каторжных работ.

Но и там неугомонный нрав не позволил ему сидеть спокойно: он так донимал читинских чиновников обличениями в казнокрадстве и взятках, что в 1863 году по новому приговору его выслали из Читы. Кажется, это был второй случай в нашей истории, когда выслали сосланного

в Сибирь: первым был декабрист Михаил Лунин, которого за обличительные письма и сочинения отправили из Читинского острога в Акатуйскую тюрьму. Завалишина выслали в Казань, а позже разрешили поселиться в Москве⁵¹.

Лазарев хорошо относился к Завалишину и дал высокую оценку его участия в экспедиции, но не забыл упомянуть и о его политических прожектах: «Жалко Дмитрия Иринарховича Завалишина: поехал далеко в Сибирь, пылкая голова, огнедышащая натура. Я ему предсказывал этот путь, я любил его; он был всегда быстрым исполнителем; славный мичман, без искаательства и унижения, служил безукоризненно честно в должности ревизора и выторговывал для матросов каждую копейку. Голова его была полна реформ, и я предостерегал его от увлечений, зная, что он душою был чист и любил море».

Завалишин обладал проницательным умом и несомненными литературными способностями, но при этом часто бывал несдержан, желчен и заносчив. И с этим человеком Нахимов делил каюту в течение двух лет. Поистине ангельское терпение!

Строительство и вооружение

Новопостроенный фрегат называли «Крейсер», что в переводе с голландского означает «тот, кто пересекает». Фрегату предстояло пересечь не только моря, но и океаны – Атлантический и Тихий. Забот и хлопот было невпроворот, работа предстояла немалая: оснастить фрегат; сформировать команду, разместить на корабле запасы продовольствия, боеприпасы и другие необходимые в длительном плавании вещи.

Оснащение фрегата началось в Архангельске, на верфи Соломбалы – острова в дельте Северной Двины, а завершиться должно было в Кронштадте. Так что Нахимов, назначенный в 1821 году в 23-й флотский экипаж в Архангельск, мог своими глазами наблюдать за этим процессом и набираться опыта, который так пригодится ему впоследствии – при строительстве линейного корабля «Азов», знаменитого фрегата «Паллада» и линейного корабля «Силистрия», переоснащении трофейного турецкого корабля «Наварин».

Веселая зима 1821/22 года, проведенная Нахимовым в Архангельске вместе с братом Сергеем, друзьями-тезками Михаилом Рейнеке и Михаилом Бестужевым, подходила к концу. В 1821 году фрегат «Крейсер» спустили на воду, а весной 1822-го Бестужев ушел на фрегате из Архангельска вокруг Скандинавского полуострова в Кронштадт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.